

НИКОЛАС МВАНИКИ

ЦЕЛОВАТЬ БОГА В ГУБЫ

РОМАН-ДРАМАТУРГИЯ В ПЯТИ КНИГАХ

Информационный
Экзгибционизм
как высшая стадия
гуманизма

КНИГА ТРЕТЬЯ
КСЕНИЯ ЧУЖЕСТРАНКА
И ЕЁ ПРЕСТОЛЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николас Мваники

**Целовать Бога в
губы. Книга 3. Ксения
Чужестранка и ее Престолы**

«Автор»

2026

Мваники Н.

Целовать Бога в губы. Книга 3. Ксения Чужестранка и ее Престолы
/ Н. Мваники — «Автор», 2026

Что если современный информационный эксгибиционизм — от одержимости соцсетями до порно и вебкама — это высшая стадия гуманизма? Что если цифровой ад и диктатура алгоритмов — не падение цивилизации в бездну преисподней, а её отчаянный поиск Божественного Света? Последняя общая молитва? Эти вопросы ставит роман «Целовать Бога в губы». Современные цивилизационные концепции, библейские, мифологические, мистические и ведические темы делают это произведение поистине интеллектуальным триллером-лабиринтом, написанным на стыке Нью-Йорка и Москвы. Захватывающий, кросс-жанровый манифест эпохи и настоящий литературный прорыв. Читайте первый роман масштабной пенталогии метамодерна и меняйте реальность вместе с героями!

© Мваники Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 3. Ксения Чужестранка и её Престолы.	6
Глава 17	7
Глава 18	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николас Мваники
Целовать Бога в губы. Книга 3.
Ксения Чужестранка и ее Престолы

Роман-драматургия в пяти книгах

Книга 3. Ксения Чужестранка и её Престолы.

Полуденная прогулка с Никой осталась позади, но запущенная ею «дилемма заключённого в любви» лишь набирает обороты. На виллу опускается густой нью-йоркский вечер, а вместе с ним открывается занавес для главного, пугающего таинства. Торжественное застолье объединяет под одной крышей двадцать одну прекрасную, молодую диву из индустрии цифровых иллюзий и одного писателя. Ослепительная красота разных рас, дым дорогих сигар, янтарный блеск виски и тонкие разговоры сплетаются в безупречный узел. Николас внезапно осознаёт: этот абсолютный, плотский рай, о котором многие мужчины лишь мечтают, для его обнажённой души является изощрённым, персональным адом, где ангельские Престолы обрачиваются безжалостными судьями.

Психологическая драма достигает пика, когда хозяйка виллы Екатерина просит Николаса создать текст для престижного медиаресурса. Оставшись глубокой ночью наедине со своей бездной, изнурённый писатель берётся за перо. Под его пальцами рождается светская заметка и черновик очерка, которому суждено стать яростным Манифестом целой эпохи.

В этой финальной точке третьей книги Николас возводит грандиозный философский мост из пяти ступеней: от Космических Вед и трагедии забытого христианского Гнозиса, сквозь бунт плоти Ренессанса и интеграцию юнгианской Тени — прямо в цифровой Ад современности. Писатель объявляет виртуальную сеть глобальной алхимической ретортой, где в неоновом огне кольцевых ламп, как на кострах святой инквизиции, сгорают все телесные концепции земного бытия, а очищенная душа осознаёт ведическое «Ахам брахмасми», возвращаясь к Источнику Абсолютной Любви. Этот провокационный, высокоинтеллектуальный хук навсегда перевернёт привычные культурные табу и поставит оглушительную точку в третьей книге романа.

Глава 17

— Николас, Николас, да очнись ты! — меня мгновенно привёл в реальность громкий, взволнованный голос Ники. — Заходи скорее, заходи, помогай. Здесь такое творится!

Время неумолимо близилось к ужину, и мы с Никой уже вернулись с нашей, такой насыщенной глубинными смыслами и событиями, прогулки.

Ника уже зашла в дом и за ней закрылась парадная дверь. А я замер на тропинке, почти у самой этой входной двери, на том злополучном месте во дворе, о которое всё время спотыкался при ходьбе. Кусок старого красного кирпича.

Я увидел у клумбы лопату, взял её, несколько мгновений и моих усилий и... я выкопал этот кирпич.

Держу его на ладони, верчу, внимательно рассматриваю. Как он, однако, прекрасен в своём первозданном уродстве. Такой почерневший от времени, некрасивый, с острыми неровными краями обломок, прежней чей то жизни.

И я его решительно выкинул прочь. Поднимаю голову и вижу растерянное, бледное лицо Ники. А она, как и всегда в своей привычной манере, разговаривает со мной, когда сама находится — или уже, или ещё — в дверном проёме коттеджа. Только в этот раз она сама на себя не похожа, потому что не говорит, а буквально кричит:

— Давай заходи скорее и разнимай этих дурёх!

— Зашёл, зашёл! А что вообще происходит-то?

— Да быстрее, пожалуйста, заходи! Давай, включайся уже, помогай нам — мы же как раз для решения подобных вопросов и пригласили тебя к нам жить! — Ника, едва сдерживая внутреннее волнение, увлекла меня за рукав в просторный холл коттеджа.

Вообще-то, по нашему предварительному уговору, здесь предполагался торжественный, званый ужин в честь моего благополучного прибытия в Нью-Йорк, но вместо праздничной атмосферы я с порога увидел нечто совершенно другое.

В холле собралось более десяти девчат. Все они были крайне возбуждены, напуганы и громко, наперебой кричали, что нужно немедленно позвать Катю.

— Катя, Катя!!! — театрально заламывая тонкие руки и фальшиво, но пронзительно звонко кричала одна брюнетка-пигалица, на вид ещё совсем ребёнок лет четырнадцати.

Похоже было, что она совсем недавно сбежала с первого курса какого-нибудь провинциального театрального училища и вот теперь вовсю пробует себя на подмостках этого роскошного коттеджа, неумело проявляя своё полуактёрское полумастерство.

— Да зачем Катю, вот Николас сейчас всё быстро разрулит! — неожиданно выступила за главную Ника, указывая на меня рукой.

— Да, пусть он решает! — тут же согласились остальные девушки и послушно расступились в стороны, образуя живой коридор.

Посреди холла была жестокая драка. Точнее — самое настоящее, одностороннее избиение. Одна крупная девушка сидела верхом на другой и довольно профессионально, хлётко била её наотмашь. Та, что находилась снизу, на мраморном полу, уже почти теряла сознание, но всё-таки вяло пыталась сопротивляться.

Я хоть и падаю иногда из-за своих прошлых контузий в обморок среди зелёных скамеек в тихих парках Нью-Йорка, но во мне живого веса сто килограмм и более. Я регулярно хожу в спортзал, упорно качаю железо, работаю в спарринге, ну и воевал в своё время в разведке — рукопашный бой и тактические захваты это точно моё. Реакция сработала молниеносно, на чистых рефлексхаштурмовика камикадзе, но в этот раз я всё же чуть-чуть перестарался.

Девушка, которая была сверху и самозабвенно была подругу или соперницу, вмиг была снята со своей беззащитной жертвы и оказалась в моих удушающих, почти любовных, сталь-

ных объятиях. Я очень деликатно, мягко, почти по-доброму нажал пальцем на определённую сонную область её шеи. Она мгновенно обмякла, закатила глаза и послушно потеряла сознание.

При этом плавно, словно в замедленной кинематографической съёмке, она выскользнула из моих рук и ниспала на чистый, сверкающий мрамор пола. Ложится сначала на бок, а потом аккуратно переворачивается на спину, грациозно раскидывая руки в стороны. Всё это зрелище было настолько эстетичным, что, думаю, знаменитый балет «Лебединое озеро» от Большого театра в этот момент точно отдыхает.

Наступила гнетущая, звенящая тишина.

— Ты что... её совсем убил? — испуганно спросила шёпотом та самая визгливая пигалица.

— Да бросьте вы. За кого вы меня здесь принимаете? — я выдавил из себя максимально спокойную, почти ласковую улыбку, но мой голос прозвучал слишком ровно и веско, отчего девчонки синхронно отшатнулись назад. — Обычный обморок. Минуты три — и она придёт в себя.

— Слышь... а он вообще кто такой? — пигалица испуганно зыркнула на меня из-за надёжных спин своих подруг. Комплекция позволяла ей легко растворяться в этой пёстрой стайке по домашнему одетых девчат.

Я медленно, не торопясь обвёл взглядом замерший холл. Более десяти пар глаз смотрели на меня с дикой, гремучей смесью страха и девичьего любопытства. Надо было сразу, без лишних предисловий обозначить нерушимые границы.

— Я тот, кто сделает так, чтобы вы здесь больше не калечили друг друга, — тихо, но предельно отчётливо произнёс я, глядя прямо на эту испуганную мелочь. — Если в этом доме ещё раз начнётся подобный цирк, усыплять буду всех по очереди. Без обид. Надеюсь, мы с вами друг друга хорошо поняли?

Шутка это была с моей стороны или прямая угроза — я и сам для себя до конца не разобрался, но нужный тон сработал безотказно. Вся толпа разом сникла. Девчонки испуганно переглянулись между собой, безоговорочно признавая чужую, непонятную им мужскую силу.

— Поняли... — негромко донеслось из нестрога девичьего хора.

— Ну вот, Николас. Именно поэтому мы и позвали тебя сюда жить. Чтобы ты навёл здесь порядок и встал на хозяйство, — вдруг раздался со стороны лестницы уверенный, звонкий голос.

В холл торопливо спустилась Катя — та самая роскошная блондинка, которая вчера встречала меня вместе с Никой. На этот раз на ней был дорогой кружевной пеньюар, сброшенный прямо на голое тело. В руке она сжимала вейп, немного резко и нервно выпуская тонкую струйку пара. Её накидка — то ли развязавшаяся, то ли не завязанная изначально — полностью открывала взору телесные тайны хозяйки. Я смутился и не сразу, с трудом, отвёл взгляд в сторону. Екатерина была великолепна настолько, что, как говорят, не оторвать глаз! Но заставить себя отвернуться всё же пришлось. А Катя уже командовала:

— Так, девки, быстро доложили, чей это был перформанс? Чего вы орёте на весь пригород? У меня из-за вашего визга приватный стрим сорвался, я кучу бабок на ровном месте потеряла! — Катя на ходу затягивалась сладким дымом, но стоило ей перевести взгляд на пол, как её холёное лицо сделало выражение большого удивления: — Опа... Ёпт. А это ещё что за хрень? Она живая вообще?

— Живая, куда она денется, — спокойно ответил я, приседая на корточки рядом с пострадавшей.

Девушка на мраморном полу судорожно, глубоко вздохнула, её веки затрепетали. Она попыталась приподняться, но руки пока не слушались. Я аккуратно подхватил её подмышки, помогая сесть.

— Дайте ей воды. И придержите стакан, ещё минут двадцать координация будет слегка нарушена. Смотрите внимательно, чтобы не захлебнулась.

Затем я перенёс девушку на большой диван в холле и удобно усадил полулёжа, положив под спину пару подушек.

Катя перевела на меня вопросительный, тяжёлый взгляд. Я лишь безразлично пожал плечами:

— Только что вернулся с улицы. А у вас тут, оказывается, настоящие гладиаторские бои.

— Бои?! — Катя резко развернулась к притихшему стаду гламурных овечек, и в её глазах вспыхнула настоящая, яростная власть хозяйки. — Вы совсем берега попутали? Выселю на х.. всех за полчаса, будете жить и работать на улице, или где придётся! Быстро объяснили мне, что здесь произошло.

Катя была в этом доме абсолютным законом. Авторитетом. И спорить с ней никто не решался. Девочки ещё сильнее втянули головы в плечи, словно пытаясь стать невидимыми.

— Кать, не начинай, пожалуйста, — Ника мягко взяла инициативу на себя, выступая громоотводом. — Викки была Лолу, а Николас их разнял. Просто немного не рассчитал свою силу.

— Простите, я не хотел действовать настолько жёстко... — попытался оправдаться я, чувствуя, как во мне просыпается привычный внутренний ценз.

— Всё в порядке, ты молодец. Именно этого я от тебя и ждала, — одобрительно кивнула Катя, и её гнев сменился благосклонностью. — Надеюсь, мы вместе наведём порядок в этом бабьем царстве. Но ты, братишка, впредь будь понежнее, что ли. Здесь всё-таки хрупкие девушки, а не мужланы-лесорубы в тайге. Договорились?

— Договорились, — ответил я.

Девчонки посмотрели на меня с благоговением, точно на явившегося в самый нужный момент заступника. С этой секунды мой авторитет здесь стал непререкаемым.

Пытаясь сгладить неловкость, я принялся негромко бормотать, что мужская реакция на насилие — это всегда мгновенный вызов и гнев, в то время как женская чаще перерастает в страх и подавленность. Но меня уже никто не слушал. Внимание холла снова полностью переключилось на хозяйку дома.

Катя повернулась к Викки и хлёстко приказала:

— Рассказывай.

Та начала говорить — сбивчиво, задыхаясь, ещё слабым после обморока голосом:

— Да вон, Лолка... Снова наглоталась какой-то дряни и давай во фри-чате малолеток собирать. Нашла компанию школьников, совсем пацанов ещё. Увела их в приват и устроила там шоу с двойным проникновением. А под конец спрашивает их: «Вы в каком классе учитесь? В шестом? Круто. Теперь будете знать, как делать приятное своим одноклассникам».

Викки судорожно перевела дыхание, её всю трясло от искреннего, неподдельного возмущения:

— А мальчишкам много надо? Они завтра надышатся за гаражами какой-нибудь химии, поймут девочку лет десяти и искалечат ей жизнь. Сделают «приятное», как им тётя Лола показала! Я Лолку на этом дерьме уже третий раз ловлю. Кать, я просто тебе говорить не хотела, расстраивать. Знала же, что ты её сразу выгонишь. Но я обещала, что лицо ей разобью, если она ещё раз к детям полезет. Вот и увидела, и услышала, — тихо закончила Викки, стирая с лица размазанную тушь. — Слово за слово, зацепились, ну и началось...

Катя молчала несколько секунд, задумчиво затягиваясь вейпом и выпускала клубы ароматного пара.

Густой сладкий дым медленно таял под высоким потолком холла, словно укутывая эту безобразную цену полупрозрачной вуалью. В причудливой дымке происходящее уже не каза-

лось столь вульгарным — скорее, оно походило на редкий клинический случай, на фарс, который любому специалисту по девиантному поведению показался бы очень занимательным.

— Ну, предположим, Викки, Лолу я бы из-за этого отсюда не выгнала, — наконец произнесла Катя ровным, ледяным голосом. — Но меры приняла бы. Повторяю для всех: никакой самостоятельности в работе, сами вы ничего не решаете! Любые рабочие вопросы докладывать лично мне. А вот по бытовым нуждам — забудьте моё имя. С сегодняшнего дня в доме есть мужчина. Его зовут Николас.

Катя указала на меня кончиком электронной сигареты.

— Все хозяйственные дела: потекло где-то, кондиционер сдох, полочку прибить, мебель передвинуть — это к нему. Только, чур, не заездить парня без надобности. Вас тут больше двадцати девок, а он один. Всем всё понятно?

— Понятно! — нестройным хором отозвались модели.

— И за сексом тоже к нему обращаться? — шутливо выкрикнул кто-то из глубины холла, и девчонки прыснули, мгновенно переключаясь с недавнего ужаса на привычный легкомысленный флирт.

— Жаль мужика, загоняем ведь до полусмерти! — подхватила другая.

Внешне я оставался абсолютно невозмутимым, сохраняя маску сурового гималайского спокойствия, но мысленно уже ругал Лану за эту дикую подставу всеми известными мне словами. Ну удружила старая знакомая! Вместо обещанного элитного мужского общежития высокой моды мне подсунили под видом рая закрытую женскую вебкам-коммуну со смелыми, развязными девчонками. Шаг назад — и я трусливый лох, который испугался трудностей и даже не попробовал пройти этот урок. Шаг вперёд — и я штатный завхоз в весьма специфическом, двусмысленном месте. Классический выбор без выбора. Что ж, придётся пока затаиться и присмотреться к местным порядкам, а окончательное решение я приму чуть позже.

— Так, а что у нас с ужином? — Катя громко захлопала в ладоши, разгоняя девчонок. — Чтобы через час парадные столы ломились! Быстро все по местам!

— О, кейтиринг уже подъехал! — воскликнул кто-то из девчат.

Екатерина принялась уверенно раздавать команды направо и налево, по-хозяйски курсируя по просторному залу.

— Иди пока к себе, отдохни, — шепнула мне Ника, осторожно коснувшись прохладными пальцами моего плеча. — Через час спускайся вниз.

— А ты чего сама не разняла их, боец без правил? — тихо спросил я, вспомнив её хватку.

— Мне строго запрещено это делать правилами виллы, — спокойно ответила Ника.

Я молча развернулся к массивной лестнице, ведущей на второй этаж, но в спину меня неожиданно догнал оклик:

— Николас, стой!

Это была Катя. Она уже запахла, завязала свою одежду и подошла почти вплотную. Её лицо даже под сложным макияжем сейчас казалось блёклым, уставшим и странно, по-детски незащитным. Весь недавний апломб строгой и властной хозяйки этого девичьего царства мгновенно испарился — её взгляд стал растерянным и глубоко задумчивым.

— Я ни в коем случае не оправдываю Лолу, — тихо, одними губами произнесла она, глядя куда-то мимо меня. — И выгнать её отсюда я тоже не могу. Да, она творит иногда откровенные мерзости, переходит все границы. Но она мне далеко не чужая. Дальняя родственница, если честно. Вот и терплю её, стиснув зубы. Понимаешь, Николас? Она — мой личный, тяжёлый крест.

Катя горько, вымученно усмехнулась, качнула головой и стремительно отвернулась, так и не дав мне вставить ни одного ответного слова.

— Всё. Иди. Обязательно отдохни перед ужином, — бросила она на ходу.

Я ещё раз внимательно огляделся, окидывая взглядом холл коттеджа. Девчата вовсю, без лишнего шума суетились вокруг пострадавших в этой безобразной драке. Викки заботливо отпаивали прохладной водой и какими-то пахучими успокоительными каплями; мертвенная, пугающая бледность постепенно уходила с её лица, и на щеках уже проступал здоровый, нежный румянец. Лолу аккуратно вели под руки в ванную комнату — умыться, остановить сочащуюся кровь. Атмосфера этого чуть мною изломанного материального рая постепенно возвращалась в своё привычное житейское русло.

Из напуганных и растерянных участниц недавнего хаоса девчонки превращались в заговорщиц собственного быта. В этот момент открылись парадные двери, и в холл многочисленным составом вошла служба VIP-доставки и выездного ресторанного обслуживания.

Я молча пожал плечами и медленно поднялся к себе на второй этаж, в выделенную мне студию.

Физических и душевных сил не было ни на что. Стоило мне закрыть за собой дверь, как накопленная за этот сумасшедший день усталость навалилась свинцовым грузом. Я буквально рухнул на просторную кровать прямо в уличной одежде и мгновенно, без чувств провалился в тяжёлый, тревожный сон, сотканный из обрывков воспоминаний и фантомных болей.

Ровно через час меня безжалостно выдернул в суровую реальность резкий, дребезжащий звонок телефонного будильника. Я судорожно потянулся, со стоном разминая затёкшую шею. Пора было брать себя в руки, стряхивать остатки забытья и включать волю. Нужно было срочно принять освежающий душ, переодеться и спускаться вниз — туда, где за закрытыми дверями холла уже ждал торжественный, званый ужин с накрытыми столами, устроенный обитательницами виллы в честь моего к ним приезда.

Глава 18

В изысканно сервированном пространстве уже вовсю царило шумное, пьянящее оживление. Моё появление встретили бурными, одобрительными возгласами — Катя, плавно поднявшись с бокалом в руке, торжественно объявила, что это роскошное застолье целиком посвящено знакомству с новым жильцом. Градус веселья стремительно рос, тонкий хрусталь звенел, а под звон бокалов мы ели, пили и с понятным интересом внимательно присматривались друг к другу.

Всего за столом в этот праздничный вечер собралось восемнадцать девчонок. Ещё три, как мне заговорщически шепнули на ухо, должны были подойти чуть позже, освободившись со своих частных трансляций.

Прямо посреди просторного холла красовался огромный, безупречно сервированный стол, который буквально ломился от изысканных деликатесных закусок и дорогого алкоголя. Всё вокруг выглядело так, словно мы находились в закрытом элитном ресторане где-нибудь в самом сердце Манхэттена, а не в интерьерах роскошной, высокотехнологичной вебкам-виллы, спрятанной от чужих глаз.

— М-м-м, это всё наша Моника постаралась, — с набитым ртом блаженно промурлыкала сидящая рядом Ника, с аппетитом уничтожая очередное сложное блюдо. Она кивнула изящным подбородком в сторону высокой, стильной шатенки с безупречной осанкой, сидевшей на другом конце стола. — Она у нас признанный гений по части красивой, сытой жизни.

Раньше, у себя в LA, своим крупным ресторанным бизнесом рулила, ворочала миллионками. Потом, к несчастью, крепко подседа на тяжёлую наркоту, и всё потеряла, было даже уголовное дело, суды, вроде как откупились, потом долго и мучительно лечилась в закрытых клиниках... Теперь вот с нами живёт и работает, с нуля жизнь выстраивает. Но бывшие связи, как видишь, остались. Когда нужно устроить настоящий праздник, она точно знает, кому на Манхэттене позвонить, что конкретно заказать и как всё это проконтролировать, чтобы нам оформили топовый ресторанный кейтеринг. Моника знает подлинный толк в высокой кухне. Сама дотошно составляет меню, делает правильные, дорогие заказы.

Ника сделала очередной глоток белого вина и заговорщически подмигнула мне, увлечённо продолжая свой гастрономический экскурс:

— Профессиональные повара там, у себя на ресторанной кухне, всё оперативно готовят и упаковывают в специальные термобоксы. Сюда, на виллу, приезжает уже готовая, вышколенная команда обслуживания: официанты сами всё мгновенно сервируют, подают по высшему разряду, а под конец вечера незаметно сворачиваются, убирают со столов и увозят всю грязную посуду с собой. Всё, знаешь ли, так ненавязчиво, эстетично, строго по этикету. Чистый, бескомпромиссный люкс.

«Курнула она травки, что ли, пока я наверху спал?» — с лёгкой иронией промелькнуло у меня в голове. Ника ела уж больно неистово, жадно и самозабвенно. Здесь, среди подруг, она показалась мне совсем другой — не той близкой, романтической девушкой с нашей недавней прогулки, словно тот её прежний образ на время полностью исчез, уступив место пока мне незнакомому её новому настроению.

Я молча окинул неторопливым взглядом это длинное, сверкающее застолье. Вот он, непредсказуемый ресторан жизненных событий. Столы в белоснежных, накрахмаленных скатертях, на них выставлена лучшая еда, а за ними сидят те, чьи хрупкие судьбы занесло на слишком крутых, опасных виражах этой жизни.

— Итак, волею судеб мне назначено быть модератором и вести официальную часть нашего знаменательного мероприятия! — раздался вдруг чистый, профессионально поставленный дикторский голос.

С бокалом в руке из-за стола грациозно поднялась статная, ухоженная чернокожая молодая женщина. В её безупречной осанке и уверенной манере держаться безошибочно чувствовалась редкая, благородная порода.

— А это кто? Явно не из ресторанного бизнеса, — едва слышно, с улыбкой шепнул я Нике. Та лишь тихонько прыснула в кулак, не успев ответить.

— Так, молодой человек, попрошу без секретов на задней парте, — шутливо, но строго осадил меня поднявшаяся ведущая, поймав мой оценивающий взгляд. — Я действительно не ресторатор. По образованию я профессиональный политолог, но капризная фортуна превратила меня в преуспевающую модель. Моё имя Дженнифер. Рада приветствовать тебя на нашей скромной вилле, Николас. Позволь мне провести для тебя краткий, но весьма ёмкий экскурс в наши суровые реалии.

Девчонки за столом дружно зааплодировали, поддерживая её авторитетный тон, а Дженнифер продолжила, плавно покачивая бокалом с янтарным напитком:

— Эта вилла и весь наш масштабный проект — абсолютно легальный, чётко выстроенный и защищённый бизнес, который целиком и полностью принадлежит Кате. Она здесь и единоличный собственник, и генеральный руководитель, и абсолютный, непререкаемый авторитет для всех нас. Всё официально зарегистрировано, налоги в казну платятся исправно и вовремя. Исключение составляют лишь те, — она понимающе кивнула в сторону дальнего края стола, — кто пока чисто юридически не может полноценно работать в правовом поле Соединённых Штатов. Их у нас сейчас трое. Кстати, твои соотечественницы, Николас.

Я заинтересованно поднял брови, всматриваясь вглубь застолья. Дженнифер едва заметно, ободряюще улыбнулась моим мыслям и обвела свободной рукой пространство вокруг нас:

— Девочки на родине занимали первые места на крупных региональных конкурсах красоты. И вот в погоне за великой американской мечтой новоявленные королевы эмигрировали за океан. Вышли через общих знакомых на Катю, и та их великодушно приютила под своим крылом. Документы на легализацию и официальное разрешение на работу сейчас находятся в процессе оформления, ну а пока они, сами понимаете, на особом, бережном положении. Пользуясь тем, что вы все здесь сегодня собрались, убедительно прошу не очень-то распускать языки на этот счёт за пределами коттеджа. Безопасность — наш главный приоритет. А в остальном же — мы трудимся исключительно «в белую», соблюдая все правила этой бизнес игры.

Дженнифер плавно обвела бокалом высокие своды потолка.

— Этот роскошный особняк — наш главный штаб. Здесь девочки и живут, и выходят в эфиры. Но у нас есть и обособленные территории. На заднем дворе, прямо в тенистом саду, стоит небольшой, уютный флигель. Там, абсолютно автономно от всех, живёт и работает Ника.

— В мой маленький замок пускают только по личным приглашениям, а не абы как, — заговорщически подмигнула мне Ника, наклонившись к самому уху и обдав меня тонким ароматом вина.

— Летом, когда наступает жара, — уверенно продолжала Дженнифер, — наши эфиры часто перемещаются на свежий воздух, во внутренний дворик или к открытому бассейну в саду. В самом доме мы тоже жёстко не привязаны к комнатам — трансляции могут идти и в коридорах, и в уединённых лаунж-зонах. Уникальных локаций здесь хватает с избытком. Нам, признаться, очень нравилась твоя комната, в ней были потрясающие ракурсы, но теперь там окончательно обосновался ты, так что эта зона для съёмок и трансляций временно закрыта. Отныне на тебе, Николас, весь дом, сад, бассейн, флигель и всё это беспокойное хозяйство со всеми его бесконечными бытовыми счетами. Что-то будешь чинить и настраивать сам, где-то придётся жёстко контролировать нанятые городские службы. И ещё один важный момент. Будь внутренне готов к некоторым неизбежным неудобствам. Иногда девочки выходят в эфир вне

своих комнат: трансляция может спонтанно пойти в коридоре, в холле или прямо у бассейна. Форматы работы у всех принципиально разные. Кто-то делает откровенное, жёсткое шоу, кто-то держится в рамках чистой, изящной эротики. А есть и те, кто вообще никогда не раздевается в кадре. Вот, например, наша Ксения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.